

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ*

Л.А. БЕЛЯЕВА

Аннотация

В статье рассмотрена проблема внутренних вызовов развития России, обусловленных состоянием социального пространства страны – системы статусов социальных акторов и их взаимодействием. Обращено внимание на напряженности социального пространства, связанные с процессами десоциализации собственности в постсоветский период. До сих пор, по прошествии двух десятилетий, предприниматели в России действуют в условиях недостаточной правовой защищенности и находятся в зависимости от властей всех уровней. Одновременно крупные собственники оказывают лоббистское воздействие на власть в интересах своего бизнеса. В России сложилась конструкция «власть – собственность», которая претендует на доминирование в масштабах районов, городов, регионов, страны в целом и препятствует развитию частного предпринимательства и рыночной конкуренции. Многие проблемы модернизации экономики являются следствием проведенной десоциализации собственности, особенно крупной государственной собственности в нефтяном и газовом секторах, которая до сих пор не признается в обществе легитимной. В России не получила развития стратегия государственно-частного партнерства, которая могла бы на законодательном уровне согласовать интересы государства и частных предпринимателей в ведущих отраслях экономики.

Ключевые слова: социальное пространство, напряжение, отношения собственности.

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.
bela46@mail.ru

Цитирование: БЕЛЯЕВА Л.А. (2017) Социальное пространство и отношения собственности в России // Философские науки. 2017. № 7. С. 16–21.

Мне бы хотелось обратить внимание на некоторые проблемы развития нашего общества, для решения которых, как представляется, единственным приемлемым является осуществление модернизации в стране. Это проблемы, которые я рассматриваю как внутренние вызовы для общества. Отличие вызовов от проблем заключается, на мой взгляд, в тех характеристиках вызовов, которые дал А.Дж. Тойнби: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Социальное пространство современной России», грант № 17-03-40073.

совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [Тойнби 1996].

В длинном списке подобного рода вызовов есть такие, которые непосредственно касаются жизнедеятельности людей, сбережения народонаселения, реализации и накопления человеческого и культурного капитала, состояния социального капитала, в том числе доверия между людьми, доверия к организациям, к органам власти, общественным организациям. За всеми рассуждениями об этапах, стадиях, тактиках модернизации не нужно забывать, что страна населена людьми, которые живут по-разному в разных регионах. Поэтому мое внимание неизменно обращается к социальному пространству. Если взглянуть на Россию как на единое социальное пространство в том смысле, который вкладывает в это понятие Пьер Бурдьё, то можно создать многомерную картину социального устройства общества и выявить болевые точки, напряженности и риски общественного развития.

В интерпретации П. Бурдьё социальное пространство представляет собой многомерную взаимосвязь позиций индивидов. Он считал, что социальное пространство — это пространство отношений, «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине». Как определенно высказался Э. Гидденс, «пространство не является бессодержательным измерением, вдоль которого структурируются социальные группировки, но должно рассматриваться с позиций участия в становлении систем взаимодействия». Можно сформулировать следующее определение *социального пространства*, которое *в отличие от физического, географического представляет собой метафорическое пространство, в котором представлены статусы социальных акторов, занимающих в нем определенные социальные позиции и взаимодействующих на основе предписаний (законов), обычаев, интересов, ценностей, моральных установлений. Социальное пространство — это динамическое состояние общества, характеризующееся, с одной стороны автономностью акторов, а с другой — их взаимодействием, которое может базироваться на разных уровнях взаимного доверия и солидарности вплоть до ощущения онтологической опасности.* Такой подход может быть использован и по отношению ко всему обществу, и к отдельным регионам, территориям, городам, сельским поселениям и другим «местам». Использование конструкта «социальное пространство» требует определить те реальности, которые его наполняют. Если использовать этот ракурс рассмотрения социального пространства, можно отметить несколько существенных «разломов» российского социального пространства. Отмечу два из них. Во-первых, это то, что называется **«избыточное неравенство»**, оказывающее отрицательное воздействие на развитие страны. Этот «разлом» проходит через большинство регионов и по стране в целом. Трудно переоценить социальные, психологические, политические, нравственные потери, сопутствующие такому разлому.

Во-вторых, это «разлом» единого социального пространства по территориальному и административно-региональному вектору. Этот разлом фиксируется в тех состояниях модернизированности регионов, о которых сказано в книге «Атлас развития России и ее регионов», в социологических показателях качества жизни населения и удовлетворенности жизнью, в показателях демографических — их состоянии и динамики, в показателях качества человеческого капитала и капитала социального и т.д. Эти вопросы подробно были обсуждены в предыдущей книге Центра [Лапин, Беляева (ред.) 2013].

С учетом сказанного я вижу важную научную и практическую задачу в том, чтобы попытаться эмпирически измерять напряженности социального пространства, разработать для этого необходимую методологию и методику. Эта напряженность не сводится к политической напряженности (последняя как раз отражает степень социального напряжения в обществе, питается этим напряжением), а существует и постоянно воспроизводится в системе взаимоотношений социальных акторов.

Перманентной внутренней проблемой в этих взаимоотношениях являются отношения собственности. Можно сказать, что Россия попала в своего рода институциональную ловушку — при большой территории и необходимости ее защиты и обустройства и сложившихся исторических традициях, длительное время существовал сильный институциональный каркас авторитарного типа. Сложился своего рода тандем «государство — собственность». Объектами права государственной собственности являлись Земля, ее недра, воды и леса. Они состоят в исключительной собственности государства и предоставляют только в пользование.

Произошедшая в начале 90-х гг. *десоциализация собственности* означала изменение социально-экономического строя в стране, ликвидацию монополии Коммунистической партии, начало капиталистических преобразований, переход от плановой к рыночной экономике. Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции.

Сама экономическая реформа с самого своего начала напоминала напряженное противостояние в борьбе за собственность, поглотившее внимание всей страны. В.В. Биbihин ярко запечатлел этот процесс: «В той войне за собственность, которая сейчас идет уже по всему пространству в важном смысле еще не бывшего Советского Союза, — она уже захватила всех так глубоко, до оснований человеческого существа, что гражданская война в виде открытого военного противостояния у нас невозможна, ей некуда вписаться, злости на нее уже не хватит, потому что ее не хватает людям на войну за собственность, — люди падают задолго до того, как бросятся друг на друга и незаметно для себя, в раннем начале погони упустив спросить, кто такие они сами, которые ее ведут» [Биbihин 1996]. Но несколько этапов приватизации, начавшейся в 1992 г., не дали тех экономических и социальных эффектов, которые от нее ожидалось. А самое главное — существовавший ранее каркас

авторитарного типа «власть — государственная собственность» был модифицирован в неоавторитарный каркас «власть — частная собственность». Ведущие предприятия нефте-газового сектора, крупнейшие порты, металлургические предприятия, находившиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене и положили начало олигархической прослойке в составе предпринимателей. Вариант приватизации через залоговые аукционы был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Лукойл», а также РАО «Норильский никель» и некоторых других крупнейших предприятий [Радыгин 1998]. На всех этапах приватизации отмечается активное участие криминальных группировок, использующих как «мягкие», так «жесткие» методы вступления в права владения собственностью. Открывающиеся сейчас обстоятельства борьбы за собственность как в крупных масштабах (например, Березовский — Абрамович), так и в менее значительных, показывают, что борьба за два вождельных ресурса — собственность и власть — сосуществуют рядом, взаимно дополняют друг друга. Новый тандем «власть — частная собственность» является несущей конструкцией, претендующей на доминирование на всех уровнях — в масштабах районов, городов, регионов, страны в целом.

За столь длительный период от начала приватизации, экономическая и структурная эффективность экономики остается ниже уровня 80-х гг. прошлого века. Причины, по которым приватизация государственной собственности не дала ожидаемых результатов, до сих пор анализируются специалистами и основной вывод заключается в том, что были недостаточно подготовлены правовые и институциональные основы приватизации и трансформации отношений собственности. Обстоятельный анализ правовых и институциональных основ приватизации, их противоречивость и запаздывание по сравнению с практикой содержится в аналитическом докладе Счетной палаты РФ [Степашин 2004]. Темпы приватизации были столь стремительными, что за ними не поспевала законодательная база. Вновь в России эволюционный способ общественных трансформаций был побежден революционными переменами.

Вопросы о легитимности крупной частной собственности в России вызывают дискуссии уже давно — с начала процессов приватизации крупных предприятий. Сама эта приватизация рассматривается некоторыми юристами как негласный сговор между властью и сформированным ею крупным бизнесом, а не как общественный договор, заключаемый в публично-правовом пространстве. Произшедшее слияние власти и собственности предопределило все основные дефекты политико-правового развития страны в последующие годы.

В результате сложилась такая неоэтакратическая система «власть — собственность», в которой предприниматели всех уровней зависят от властных структур. Превращение предпринимательства в деятельность, подконтрольную власти, а не закону, существенно снижает самостоятельность предпринимателей, ограничивает их инвестиционную

активность, стимулирует «бегство» капиталов за рубеж, ориентирует на паразитарное использование своих ресурсов. У предпринимателей нет внутреннего ощущения правовой защищенности бизнеса, его безопасности как в прямом смысле слова, так и в смысле его легитимности и невозможности «отнятия по закону», в результате «криминального банкротства», рейдерского захвата или «удушения» налогами и штрафами. В свою очередь крупные предприниматели оказывают влияние на власть, добиваясь преференций и выгодных условий для развития собственного бизнеса и бюджетного финансирования.

Проведение приватизации и последующее перераспределение собственности не сопровождается рациональной, достаточно устойчивой промышленной политикой, способной обеспечить рост экономики. Воздействие государства на развитие ограничивалось единичными точечными мерами без разработанной четкой стратегии, без выработки методики государственно-частного партнерства. Между тем оно способно развивать объекты государственной собственности без их приватизации, если они имеют жизненно важное значение для страны.

Таким образом, многие проблемы стагнации модернизационных процессов в России являются производными от результатов приватизации крупной собственности, прежде всего газо- и нефтедобывающих компаний.

Модель взаимоотношений власти и крупных предприятий тиражируется на всем российском пространстве и распространяется на частные малые и средние предприятия и все уровни управления, препятствует массовому развитию инициативных проектов, конкурентной среды, в конечном итоге инновационной экономики. Становление рыночного институционального каркаса возможно только при постепенном укреплении формальных правил и норм, изживании неформальных отношений. Вопрос о том, как этого можно достичь, довольно большой и сложный. Его успешное решение, мне кажется, возможно только в том случае, если будет встречное движение снизу — от субъектов хозяйствования, заинтересованных в законности и прозрачности процедур взаимодействия, и сверху — от руководящих институтов, поддерживающих безусловный приоритет формальных правил и процедур законодательно, политически, организационно.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бибихин 1996 — *Бибихин В.В.* Проблема собственности // Гуманитарные науки в России. Психология. Философия. — М., 1996.

Лапин, Беляева (ред.) 2013 — Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост. и общая ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. — М., 2013.

Радыгин 1998 — *Радыгин А.* Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. 1998. № 3. Том VII.

Степашин 2004 — Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы

Л.А. БЕЛЯЕВА. Социальное пространство и отношения собственности в России (экспертно-аналитическое мероприятие). Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты РФ С.В. Степашин. – М.: Олита, 2004.

Тойнби 1996 – Тойнби А.Дж. Постижение истории: Сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова, сост. А.П. Огурцова; вступ. ст. В.И. Уколовой. – М.: Прогресс; Культура, 1996.

SOCIAL SPACE AND PROPERTY RELATIONS IN RUSSIA

L.A. BELYAEVA

Summary

The article examines the problem of Russia's internal challenges of development due to the state of the social space system of the status of social actors and their interaction. It attracts attention to the tensions of social space associated with the processes of desocialization of property in the post-Soviet period. Still, after two decades, entrepreneurs operate in Russia in the conditions of insufficient legal protection and depend on the authorities at all levels. At the same time large owners have lobbying influence on the government in the interests of their business. Russia has developed the design of "power-property", which claims to dominance at the scale of districts, cities, regions and the country as a whole and impedes the development of private entrepreneurship and market competition. Many of the problems of modernization of economy are the result of desocialization of ownership, especially large state ownership in the oil and gas sector, which is still not recognized in society as legitimate. Russia has not received development strategy public-private partnership, which could coordinate at the legislative level the interests of the state and of private entrepreneurs in leading sectors of the economy.

Keywords: social space, tension, property relations.

Belyaeva, Liudmila – D.Sc. in Sociology, Leading Research Fellow at the Centre for the Study of Social and Cultural Change of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
bela46@mail.ru

Citation: BELYAEVA L.A. (2017) Social Space and Property Relations in Russia. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 7, pp. 16-21.

REFERENCES

Bibikhin V.V. (1996) 'The Problem of Property'. In: *The Humanities in Russia. Psychology. Philosophy*. Moscow (in Russian).

Lapin N.I., Belyaeva L.A. (eds.) (2013) *Problems of Socio-Cultural Modernization of Russian Regions*. Moscow (in Russian).

Radygin A. (1998) 'Russian Privatization: a National Tragedy or Institutional Base of Post-Soviet Reforms?' In: *The World of Russia*. 1998. No 3. Vol. VII.

Stepashin S.V. (Head of the Working Group) (2004) Analysis of the Processes of Privatization of State Property in the Russian Federation for the Period 1993-2003 years. Olita, Moscow (in Russian).

Toynbee A.J. (1934-1961) *A Study of History* (Russian Translation: Progress, Kultura, Moscow, 1996).